

Судьба талантов

Рассматривая памятники Ростова, любуясь ими, нельзя обойти ансамбль Яковлевского монастыря, архитектура которого исключительно удачно вписалась в пейзаж озера Неро и самого города. Это умение сочетать силуэт построек с природой — одна из особенностей зодчих прежних времён, подчёркивающая их тонкое понимание градостроительного искусства.

Кстати, нынешний год — рубеж некоторых «круглых дат», связанных с этим ансамблем: год назад исполнилось 575 лет основания монастыря, а в будущем исполнится 280 лет появления здесь первой каменной постройки и 165 лет Дмитриевскому собору.

Об Яковлевском монастыре написано много. Но сегодня хочется раскрыть ту страницу его значения, которая, к сожалению, ускользнула от исследователей — социальный взгляд на тех, кто создавал отдельные сооружения или украшал их в этом монастыре. Это поможет понять, почему мы особенно должны дорожить ими.

Ровно 200 лет назад (опять «круглая дата»!) в Зачатьевской церкви появилось удивительное произведение прикладного искусства — трёхъярусный иконостас, — поистине деревянные кружева, созданные Сысоем Изотовичем Шоломотовым и Степаном Никитичем Бочкарёвым. Эти осташковские крестьяне творили его три года. Исследователи отмечают, что за работу они получили 1 000 рублей, «по тому времени очень высокую цену». А так ли это? Прикинем: за вычетом оброка, который резчики обязаны были внести своему барину, им осталось по 121 рублю в год каждому или по 33 копейки в день. На них они приобретали дерево, из которого резали, инструмент, платили за подготовительные работы столярам, содержали помощников и существовали сами.

Для сравнения напомним, что в те же годы русские вельможи платили иностранным мастерам (например, П. Б. Шереметев художнику Рослену) за портрет 300—500 рублей, а Н. И. Аргунову за портрет Н. П. Шереметева, находящийся в Ростовском музее, всего 30. Почему? Да потому, что Аргунов крепостной.

Примерно 150 лет назад другую церковь монастыря — Яковлевскую — расписывал крепостной художник князей Голицыных Тимофей Медведев. В те же годы он украсил собор в Угличе. Это был мастер, хорошо знавший приёмы известного европейского декоратора Пьетро Гонзаго. Медведев умел в монументальной живописи создавать такую иллюзию архитектурной перспективы, что интерьеры зданий, расписанных им, оптически расширялись. В Яковлевской церкви, кроме того, Медведев создал однотонную роспись, имитирующую лепные барельефы. Несколько десятилетий спустя этот способ прославил известного художника Ф. А. Бруни, а его предшественник Медведев, простой мужик из села Тейково Владимирской губернии, был забыт. Забыт потому, что крепостной.

Если мы обратимся к ограде монастыря, то и здесь увидим талант и труд крепостных крестьян — Михаила Тимофеевича Конкова и Ивана Андреевича Зарубина.

Но главной примечательностью монастыря, несомненно, является Дмитриевский собор. Выдающийся образец русского классицизма рубежа XVIII—XIX веков строился крепостными архитекторами Шереметевых Мироновым и Душкиным, московским зодчим Е. Назаровым и, возможно, некоторыми другими. Исследователи считают, что западный портал по своим формам предполагает участие в строительстве какого-то крупнейшего мастера того времени. Но кого?

Причиной возникновения храма было желание графа Н. П. Шереметева увековечить своё имя в связи с рождением сына, названного в честь ростовского митрополита Димитрия Туптало, похороненного в монастыре. И вот он направляет в Ростов для строительства храма своего архитектора Алексея Фёдоровича Миронова. В то время ему было около 60 лет.

Сын крепостного повара, Миронов окончил Московский университет и с 1768 года был уже известен как архитектор, много и плодотворно работавший в Кускове и Останкине — шереметевских подмосковных. Он руководил перестройкой знаменитого Кусковского дворца.

---

*Васильев, С. Д. Судьба талантов / С. Д. Васильев // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 7 октября. — С. 4.

Известно, что в этой работе принимали участие выдающийся архитектор Д. Ухтомский и не менее известный С. Чевакинский. Есть данные предполагать, что консультировал их великий зодчий В. Баженов. Но практически строил А. Миронов с помощниками, такими же крепостными, как и сам. Ко времени приезда в Ростов Миронов был уже опытный, сложившийся мастер с более чем 30-летним стажем, знаток архитектурной классики.

Создавая Дмитриевский храм, Миронов работал не в условиях творческой свободы, а в атмосфере барских капризов, когда сегодня отменялось то, что нравилось вчера. За каждую ошибку, неизбежную в сложном деле проектирования и строительства, крепостного архитектора ждало наказание, если не тяжёлое, то грубое, оскорбительное. Граф всячески подчёркивал своё пренебрежение к архитектору. А тут ещё стали мучить Миронова болезни. Изнывая от крепостной неволи, он писал Н. П. Шереметеву: «Жестокость моей болезни приводит меня в крайнее изнеможение, частые припадки расслабляют мои суставы. Они сделали меня совсем неспособным исправлять должность мою... Но что необходимее всего, потерял я и самое зрение, едва уже способствующее и с помощью стёкол обозревать в одних крупных предметах». Своё письмо престарелый больной архитектор закончил просьбой: «Покажите мне Ваше снисхождение, благоволите отпустить меня на волю, дайте спокойно окончить остаток дней моих...»

Шереметев приказал ответить Миронову: «Чтоб он не тревожился о своей свободе, но теперь желаю я и требую, чтобы он служил мне и употреблял себя в мою пользу».

Возмущённый отказом графа, Миронов прекратил ростовское строительство и написал ему об этом. Шереметев потребовал от него извинений «за наглость письма», а «за продерзость» пригрозил наказанием, но отозвал в Кусково и полуслепому посадил за сметы и расчёты вместо творческой работы. Завершение Дмитриевского храма произошло без его автора. Можно, однако, думать, что не главное в этом храме, а его лишь детали сделаны руками других архитекторов. Ученик Баженова и Ухтомского создал в основном это здание, в том числе и знаменитый западный портал.

Через 5 лет совершенно измученный Миронов опять просит у графа свободы, но снова получает отказ вместе с «повелением» его сиятельства: «вразумить Миронова, что таким наглым и безумным образом от господина просить ничего не дозволено». «Вразумление» было, правда, словесное и архитектор избег розог, но свободы так и не получил. Он умер около 1810 года крепостным.

Вечным бессмертным монументом А. Ф. Миронову является Дмитриевский храм, так же как и остальные здания — другим крепостным художникам и строителям. Яковлевский монастырь — памятник великому таланту русских людей прошедших веков и их горькой судьбе.

С. Васильев

Эта статья входит в серию статей Сергея Дмитриевича Васильева «Уголок краеведа».

- Васильев, С. Д. Недоумённые «зачем» и «почему»... // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 29 августа. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Как обернулся замысел Ионы Сысоевича // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 5 сентября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Из глубины веков — в сегодня! // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 14 сентября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Беречь памятники! // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 26 сентября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Судьба талантов // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 7 октября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Памятник русской смекалке // *Путь к коммунизму*. — 1965. — 5 ноября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. «Успенский собор Ростова» // *Путь к коммунизму*. — 1966. — 11 января. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Почему Львы? Почему Неро?.. // *Путь к коммунизму*. — 1966. — 15 сентября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Ростовские самородки // *Путь к коммунизму*. — 1966. — 16 октября. — С. 4.
- Васильев, С. Д. Загадка раскрыта через 800 лет // *Путь к коммунизму*. — 1966. — 23 октября. — С. 4.